

Военврач Борис Эпштейн: приходилось вытаскивать раненых из люка горящего танка

Профессор, заслуженный врач Украины, известный эндокринолог Борис Владимирович Эпштейн вышел на пенсию четыре месяца назад. В этой фразе нет ничего удивительного, если не знать, что д-ру Эпштейну недавно исполнилось 95. Фронтовик, чей мундир украшают орден Отечественной войны I степени, два ордена Красной Звезды, медали «За отвагу» и «За боевые заслуги», а также орден Богдана Хмельницкого II и III степеней и «За заслуги», международная медаль им. Пирогова, титулованный врач и блестящий ученый размышляет об эпохе и событиях, свидетелем и участником которых ему довелось стать.

— Борис Владимирович — как коренной киевлянин — поделитесь воспоминаниями детства — о семье, городе и стране.

— Я действительно киевлянин в первом поколении, а вот отец был родом из

Сновска — еще недавно этот город назывался Щорс — здесь жил будущий красный командир и комендант Киева, с которым отец дружил в детстве. Отец Николая Щорса работал машинистом и часто катал детвору.

Папа был из простой рабочей семьи, но обладал разнообразными талантами, например, с легкостью множил трехзначные числа в уме, прекрасно пел и т.д. Мама получила среднее образование и одно время заведовала библиотекой Дома пионеров — сейчас в этом здании Национальная филармония.

Мы занимали одну комнату в коммуналке по улице Жилианской, где жили еще три семьи — один туалет на 13 человек — тогда это было нормально. Как и всеобщая бедность, — мне не всегда могли дать бутерброд в школу. Учился я хорошо и потому с 14 лет стал подрабатывать репетиторством.

В середине 1930-х начали исчезать люди, и это сложно было объяснить. Я не с технической стороне — приезжал «черный ворон», забирал очередную жертву, квартира опечатывалась — на многих дверях появились тогда эти зловещие бумажки с печатями. Но мы хорошо знали соседей — это были достойные люди, ничем себя не запятнавшие.

Кому верить? Даже мой троюродный брат — известнейший поэт и диссидент Наум Коржавин, с которым мы учились в одной школе, — писал тогда юношеские патриотические стихи, прославляя официальных кумиров.

Капитан Эпштейн, завтра на фронт, 1944

Борис Владимирович сегодня

Это много лет спустя появится его блестящая «Баллада об историческом недосыпе» с такими строфами:

Любовь к Добру разбередила сердце им.

А Герцен спал, не ведая про зло...

Но декабристы разбудили Герцена.

Он недоспал. Отсюда всё пошло.

Всё обойтись могло с течением времени.

В порядок мог втянуться русский быт...

Какая сука разбудила Ленина?

Кому мешало, что ребёнок спит?

Лет десять тому назад Эмка выступал в Киеве — и мы вместе смеялись над этими строками... Но в 1937-м было не до смеха.

Одно из ярких воспоминаний детства — похороны в 1939-м прадедушки — Меира Фридмана, который был когда-то главным раввином Киева. Есть, разумеется, и более светлые воспоминания — о встрече с Корнеем Чуковским в пионерлагере под Киевом, об «Артеке», где я был председателем отряда Украинской ССР, о литературном вечере в нашей 44-й школе, на который пришли Александр Корнейчук (сестра его жены преподавала у нас литературу), Гнат Юра, Наталья Ужвий.

Школу я окончил в 1940-м — без единой четверки, с золотой медалью.

— А как возникло решение стать врачом?

— Поначалу я и не думал о медицине, мечтая об авиации. И был неоригинален — все мы тогда бредили подвигами Чкалова, Байдукова и Белякова. Правда, я сделал первый шаг к мечте, поступив в летную школу при Дворце пионеров, и научился летать на планере. «Карьера» авиатора осталась в прошлом после книги академика Богомольца «Продление жизни», которая изменила мою жизнь — я твердо решил стать врачом.

Подавал заявление в мединститут на лечебный факультет и со своим отличным аттестатом... не прошел. Директор школы лично ходил к ректору, но ...слишком много в тот год поступало детей номенклатурных работников, поэтому меня определили на менее престижный санитарно-гигиенический факультет.

— Где проучились ровно год — до начала войны. 22 июня помните до сих пор?

— Я жил у стадиона им. Хрущева (ныне — Олимпийский) и собирался 22-го на матч «Динамо» (Киев) — ЦСКА. Проснулся ночью от гула самолетов, над стадионом висел аэростат, по улицам бежали люди...

Никто не верил, что война всерьез и надолго. Один родственник — неглупый человек — пришел советоваться — не стоит ли перебраться на левый берег, в

Дарницу, и там переждать, пока все закончится.

Предприятие, на котором работал отец, эвакуировалось 7 июля — родители умоляли ехать с ними, но я остался. В нашем подъезде жили в основном евреи, и дворник пугал, мол, придут немцы — всех вас расстреляют. Пошел в военкомат, просился на фронт — отказали, отправив рыть окопы, а потом перебросили в Славянск — убирать урожай. Когда немцы подходили к Донбассу нас распустили, и мы — группа студентов — направились в Харьков, куда эвакуировался наш Киевский мединститут.

Помню, когда сдавал экзамен по биохимии, началась воздушная тревога — завкафедрой уже на лестнице поставил пятерку в зачетку.

Немцы приближались, и все мы стали слушателями Военно-медицинской академии им. Кирова, которая была эвакуирована сначала в Куйбышев, а потом в Самарканд. Там, в марте 1944-го в 21 год, я получил диплом и погоны капитана медицинской службы.

Генерал Матвей Шапошников

Маршал Василий Чуйков

— И сразу на фронт?

— Да, на Первый Украинский, где нас хорошо принял генерал Матвей

Шапошников, с которым потом не раз сводила судьба. Это тот самый Шапошников, который в 1962-м, когда забастовали рабочие в Новочеркасске, отказался вывести танки для подавления мирного протеста — позднее его уволили из армии, исключили из партии и даже завели уголовное дело по статье «Антисоветская пропаганда и агитация» (он действительно отправлял письма, где называл советскую власть «худшей формой самодержавия, опирающейся на бюрократическую и военную силу»).

Но все это было потом, а тогда я отправился от Шапошникова в танко-десантный батальон 178-й бригады, хаживал на перевязки под огнем противника, вытаскивал раненых из люка горящего танка — с тех пор у меня изменилась тактильная чувствительность — даже сейчас могу голыми руками взять раскаленную сковородку.

— Первую свою медаль «За отвагу» получили, насколько я знаю, за эвакуацию раненых из занятой немцами деревни под Ровно.

— После очередного боя батальон вынужден был оставить эту деревню, где в подвале одного из домов остались девять наших раненых. Я был еще необстрелянный, комбат честно предупредил, мол, задание опасное, можете отказаться. Но единственный фельдшер погиб, а как без врача на таком задании...

В общем, собрали группу, вижу — у одного санитаря два ордена Боевого Красного Знамени — редчайший случай. Спрашиваю, кто такой. Оказалось бывший рецидивист Иван Березкин, сидел в Минске за разбой и убийство. После прихода немцев перешел линию фронта, прибился к нашим, был тщательно проверен и зачислен в разведроту. Почти из каждой вылазки приводил немецкого языка.

Мы выехали ночью на санитарной машине, доехали до опушки леса, вдруг видим — немецкий патруль. Березкин шепчет: «Товарищ капитан, давайте я его сниму». Я запретил — начнется паника, не выполним задание. Пробрались в деревню, а в нужном нам доме гуляют немцы. Сработали тихо, нашли подвал, два часа ушло на перевязку, на плащ-палатках и носилках выволокли тяжелораненых, потом вывели остальных. Тут снова одиночный патруль, и я скомандовал: «Березкин, твой выход». Он спрятался за дерево и, улучив момент, бросился на немца, вонзив тому нож в шею.

Были и ночные рейсы через немецкое расположение — вывозили наших раненых из оперативной глубины противника. Иногда даже слышали немецкую речь, видели замаскированные танки. Я, конечно, обкалывал раненых чем мог, но иногда все равно начинали стонать — даже пистолет приходилось доставать пару раз, всех ведь могли выдать...

Войну я закончил в Кенигсберге, даже был в составе группы парламентариев, в присутствии которых был подписан акт о капитуляции немецкого гарнизона.

— Вы ведь еще несколько лет провели в Польше и Германии, пока не разразилось «Дело врачей»...

— Полевые госпитали просуществовали еще довольно долго, и я был начальником отделения главного военного госпиталя Северной группы войск в Легнице.

В 1952-м меня неожиданно вызывает начальник госпиталя, у него сидит замполит — оба мнутя и объясняют, что в связи с создавшейся обстановкой всех евреев-военнослужащих, пребывающих в расположении советских групп войск за рубежом, увольняют в запас. Исключения возможны, но они крайне редки.

Для меня это стало ударом. Но делать нечего, и перед отъездом я поехал попрощаться с Шапошниковым, который был уже генерал-лейтенантом и командовал Второй танковой армией в Германии. Он увидел, в каком я настроении, снял телефонную трубку и набрал чей-то номер. Говорит так и так, у меня сидит друг — врач, спасший мне жизнь (это он, мягко говоря, преувеличил), надо оставить его в армии. На другом конце трубки надолго задумались. Потом вынесли вердикт: пусть направляется в Главное военно-

медицинское управление в Москве — там получит новое назначение.

И получил — начальником лазарета училища связи в Арзамас — понижение примерно на 2-3 ранга. Потом руководил медицинской службой высшей офицерской школы связи, перебрался в Киев и постоянно мечтал о лечебной работе.

В 1959-м Киев с инспекторской проверкой посетил старый знакомый — маршал войск связи Леонов, к которому я рискнул обратиться с заветной просьбой. Он подходит к телефону, и я слышу: «Вася! Есть у меня хороший доктор — всю жизнь мечтает о лечебной работе, надо помочь». Васей оказался командующий войсками Киевского военного округа маршал Чуйков, и через восемь дней я уже работал в Киевском военном госпитале (сегодня — Национальный военно-медицинский клинический центр «Главный военно-клинический госпиталь»).

Первое знакомство с терапевтическим отделением, 1964

— Где вскоре стали самым молодым начальником отделения и проработали в общей сложности около 60 лет!

— Именно так. Здесь я открыл новую для себя специализацию, стал основателем эндокринологической службы в госпитале и даже участвовал в

создании киевского Института эндокринологии. Надеюсь, многим помог. За эти годы судьба свела с тысячами пациентов, многие из которых не нуждаются в представлении — литераторы Олесь Гончар и Борис Олейник, актрисы Людмила Касаткина и Элина Быстрицкая, летчики Игорь Чкалов (сын легендарного Валерия Чкалова) и Александр Покрышкин, олимпийский чемпион, легкоатлет Владимир Куц и штангист Леонид Жаботинский, вокалисты Валерий Ободзинский и Ирина Билык, министры обороны Украины — Шмаров, Радецкий, Кузьмук, академики Ромоданов, Комиссаренко, Фролькис, Трахтенберг и другие.

В госпитале, наконец, получил возможность заняться наукой — результатом стали десяток учебных пособий и около трехсот статей. А за разработку алгоритмов для ранней диагностики эндокринных заболеваний и другие исследования меня даже избрали действительным членом Академии компьютерных наук и систем.

— Тем не менее заслуженным врачом Украины в советское время так и не стали, хотя и были к нему представлены шесть раз!

— Это анекдотическая история — каждый раз, когда дело доходило до административного отдела ЦК КПУ, мои документы заворачивали — фамилия не нравилась. Звание это я получил лишь в 1992-м, когда Украина обрела независимость. И это тоже — примета эпохи. Которую, как известно, не выбирают...

Беседовал Александр Файнштейн